

Е. Н. Строганова

<https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

✉ enstraganova@yandex.ru

*Государственный мемориальный музей-заповедник
Д. И. Менделеева и А. А. Блока (Россия, Солнечногорск)*

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ ИЗ АЛЬБОМА СЕМЬИ АЛЯБЬЕВЫХ

Аннотация. В отделе рукописных фондов Государственного литературного музея хранится рукописный альбом из семьи Алябьевых, который, возможно, принадлежал Наталии Павловне Хвощинской, в замужестве Алябьевой. Но также вероятно, что первой владелицей альбома была Екатерина Авраамовна Хвощинская, в замужестве Акинфова, чья внучка стала женой Б. И. Алябьева. И Н. П. Алябьева, и Е. А. Акинфова поддерживали отношения со своей кузиной, писательницей Надеждой Дмитриевной Хвощинской, чья проза, подписанная псевдонимом *В. Крестовский*, уже в середине XIX в. пользовалась широкой известностью. Во вступительной части рассматривается история взаимоотношений писательницы с каждой из кузин и гипотетически устанавливается владельческая принадлежность альбома. В 1857 г. Н. Д. Хвощинская записала в этот альбом 22 своих стихотворения 1848–1852 гг. под общим заголовком «Из стихотворений Надежды Дмитриевны Хвощинской». Поэзия Хвощинской, вопреки неосновательному мнению о ней как о стороннице «чистого искусства», проникнута гражданскими настроениями. В отличие от большинства поэтесс, ее интересовали проблемы социального и философского порядка, и нередко она говорила от лица коллективного «мы», подразумевая людей своего поколения, чья зрелость пришлось на 1850-е годы. Некоторые из переписанных текстов ранее были опубликованы, но девять стихотворений, особенно ярко выражавших общественные идеалы автора и ее неизменный интерес к европейским политическим процессам, не могли быть напечатаны в свое время. Эти никогда прежде не публиковавшиеся стихотворения вошли в предлагаемую подборку.

Ключевые слова: альбом, Н. Д. Хвощинская, кузины, история отношений, эпистолярный, неопубликованные стихи, общественные идеалы, люди 1850-х годов

Благодарности. Искренне благодарю Елену Иосифовну Погорельскую, старшего научного сотрудника ИМЛИ РАН, за помощь и содействие в работе.

Для цитирования: Строганова Е. Н. Неопубликованные стихотворения Н. Д. Хвощинской из альбома семьи Алябьевых // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 320–345.

Поступило 7 декабря 2023 г.; принято 14 июля 2024 г.

E. N. Stroganova

<https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

✉ enstroganova@yandex.ru

State Memorial Museum-Reserve of D. Mendeleev and A. Blok
(Russia, Solnechnogorsk)

UNPUBLISHED POEMS BY N. D. KHVOSHCHINSKAYA FROM AN ALBUM OF THE ALYABYEV FAMILY

Abstract. The Department of Manuscript Collections of the State Literary Museum holds a handwritten album from the Alyabyev family that may have belonged to Natalia Pavlovna Khvoshchinskaya, Alyabyev's wife. But it is also quite likely that the first owner of the album was Ekaterina Avraamovna Khvoshchinskaya, married to Akinfov, whose granddaughter became the wife of B. I. Alyabyev. Both N. P. Alyabyeva and E. A. Akinfova maintained relations with their cousin, the writer Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya, whose prose, signed with the pseudonym *V. Krestovsky*, was already famous in the middle of the 19th century. The introductory part examines the history of the writer's relationship with each of her cousins and hypothetically establishes the ownership of the album. In 1857 N. D. Khvoshchinskaya recorded 22 of her poems from 1848–1852 in this album under the general heading "From the poems of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya". Khvoshchinskaya's poetry, contrary to the unfounded opinion of her as a supporter of "pure art," is imbued with civic sentiments. Unlike most poetesses, she was interested in social and philosophical problems, and she often spoke on behalf of the collective "we", that is people of her generation, whose maturity occurred in the 1850s. Some of the rewritten texts had previously been published, but nine poems, which particularly clearly expressed the author's social ideals and her abiding interest in European political processes, could not be published at the time. These never-before-published poems are included in this selection.

Keywords. album, N. D. Khvoshchinskaya, cousins, history of relations, epistolary, unpublished poems, social ideals, people of the 1850s

Acknowledgements. I sincerely thank Elena Iosifovna Pogorelskaya, senior researcher at the IMLI RAS, for her assistance in the work.

To cite this article: Stroganova, E. N. (2024). Unpublished poems by N. D. Khvoshchinskaya from an album of the Alyabyev family. *Shagi / Steps*, 10(3), 320–345. (In Russian).

Received December 7, 2023; accepted July 14, 2024

В отделе рукописных фондов Государственного литературного музея хранится архив малоизвестного литератора конца XIX — начала XX в. Бориса Ивановича Алябьева. Настоящая публикация посвящена одному из экспонатов этой коллекции — рукописному альбому, находившемуся в числе других семейных реликвий в родовом имении Братиловое Владимирской губернии. Альбом, переданный в музей в 1950 г. дочерью Алябьева М. Б. Абрамовой, особенно интересен блоком стихотворений Н. Д. Хвошинской (1821¹–1889), чья проза, подписанная именем *В. Крестовский* (с 1869 г. *В. Крестовский-псевдоним* [Строганова 2011]) уже в 1850-е годы пользовалась широкой известностью. Однако начинала она свою литературную деятельность как поэтесса. В 1842–1856 гг. ее стихотворения, подписанные полным именем или инициалами *Н. Х.*, печатались в «Сыне Отечества», «Иллюстрированном листке» (позже — «Иллюстрации»), «Литературной газете», «Пантеоне», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» и др., но основная часть поэтического наследия писательницы осталась неопубликованной. В апреле 1857 г. она собственноручно записала в братиловский альбом 22 своих стихотворения под общим заголовком «Из стихотворений Надежды Дмитриевны Хвошинской». Чтобы понять появление этого автографа, необходимо обратиться к семейной истории Хвошинских — Алябьевых — Акинфовых.

Б. И. Алябьев принадлежал к старинному дворянскому роду², имена представителей которого известны в истории русской культуры — в частности, имя признанной красавицы пушкинского времени Александры Васильевны Алябьевой, в замужестве Киреевой. В 1854 г. ее брат Иван Васильевич, в то время титулярный советник, чиновник по особым поручениям при Московском почтамте [Адрес-календарь 1851: 213; 1852: 210; 1853: 213], женился на Наталии Павловне Хвошинской (до 1834–1911), дочери генерал-лейтенанта Павла Кесаревича Хвошинского. От этого брака родилось пятеро детей³, младшим из которых был Борис. В 1883 г. он женился на своей четвероюродной племяннице Марии Владимировне Акинфовой, которая была воспитана бабушкой — Екатериной Авраамовной (Абрамовной), урожденной Хвошинской (1820–1888)⁴. Мария, дочь ее единственного сына Владимира⁵, в начале 1900-х годов бросила мужа и, «поддержанная своими beaux-frères⁶ами — принцами Лейхтенбергскими, отстаивала свою свободу» от него [Осоргин 2009: 588–589]. Есть сведения о том, что в 1908 г. супруги развелись⁶, но после смерти мужа М. В. Алябьева оставалась хозяйкой име-

¹ О дате рождения Н. Д. Хвошинской см.: [Строганова 2021].

² Об истории рода Алябьевых см.: [Алябьев 2014].

³ Василий (25.12.1855–16.04.1859), Екатерина, в замужестве Зборомирская (11.02.1857–1932), Федор (5.06.1858–16.05.1859), Мария (до 1859 — после 1911) и Борис (24.07.1860–1.02.1919).

⁴ В 1838–1840 гг. фрейлина императрицы Александры Федоровны, в 1839–1840 гг. значилась «в отпуску» [Месяцеслов 1838: 43; 1839: 40; 1840: 40].

⁵ Владимир Николаевич Акинфов (1841–1914), владимирский вице-губернатор, симбирский губернатор.

⁶ См. базу данных «Rodovid» (URL: <https://ru.rodovid.org/wk/Семья:186450>) и «My heritage» (URL: https://www.myheritage.com/names/борис_альябьев?lang=RU).

ния. Таким образом, хранившийся в Братилове альбом мог принадлежать как Наталье Павловне, так и Екатерине Авраамовне, чьи отцы приходились друг другу двоюродными братьями: Павел (1790—1852) был вторым из четырех сыновей рязанского помещика Кесаря Дмитриевича Хвошинского, Авраам⁷ (1793—1860) — сыном Петра Дмитриевича Хвошинского.

Все сыновья К. Д. Хвошинского участвовали в Отечественной войне 1812 г., но судьбы их сложились по-разному. Павел начал свой воинский путь в петербургском ополчении в чине подпоручика. В 1825 г. он был полковником лейб-гвардии Московского полка и 14 декабря, находясь на Сенатской площади, старался отговорить солдат от выступления, за что подвергся нападению Д. А. Щепина-Ростовского⁸. Как пишет составитель «Истории лейб-гвардии Московского полка» Н. С. Пестриков, Хвошинский пытался вразумить восставших офицеров словами: «“Что вы делаете? <...> срам на Россию, а потом (указывая на солдат) и этих несчастных погубите”. Подбежал Щепин и, видя, что все остановились, не говоря ни слова, ударил полковника Хвошинского саблей по голове, разрубил козырек и сделал незначительную рану на лбу» [Пестриков 1904: 27]. Как и другие офицеры, проявившие верность Николаю Павловичу, Хвошинский был вознагражден: 25 декабря 1825 г. получил звание флигель-адъютанта и до 1832 г. оставался офицером свиты [Скалон 1908: 327—331]. В 1834—1842 гг. он был первым директором Полоцкого кадетского корпуса, впоследствии служил в Главном управлении военно-учебных заведений [Адрес-календарь 1850: 1]. Его семья принадлежала к аристократическим кругам Петербурга: супруга Варвара Александровна, подобно другим высокопоставленным дамам, занималась благотворительностью и была попечительницей Введенского приюта [Там же: 32], единственная дочь Наталия в 1848—1853 гг., до своего замужества, состояла во фрейлинской свите императрицы [Адрес-календарь 1848: 15; 1850: 15; 1851: 15; 1852: 16; 1853: 16]. И. В. Алябьев, став зятем покойного к тому времени Хвошинского, получил звание камер-юнкера и чин коллежского асессора [Адрес-календарь 1855: 9]⁹. П. К. Хвошинский никогда не порывал связей с рязанскими родственниками, в том числе с семьей своего младшего бра-

⁷ В биографических материалах встречаются разные варианты написания имени: *Авраам, Аврам, Абрам*; то же и в отчествах детей.

⁸ В ходе следствия Щепин-Ростовский показал, что Александр Бестужев «рубил полк[овника] Хвошинского», сам же он «раз ударил [его] по руке в пылу не помня себя» [Покровский 1925: 402]. В записке о «подробных действиях» Щепина-Ростовского эпизод с Хвошинским изложен следующим образом: «Полковник Хвошинский, когда упрекал Бестужевых за беспорядок и остановил в воротах нижних чинов, что увидя, Щепин нанес ему саблею три кровавые раны» [Там же: 412].

⁹ В 1856—1864 гг. Алябьев на службе не значился, но в электронном «Справочнике метрических записей архивов Санкт-Петербурга» (редакция 2023 г.) имеется запись о рождении в 1860 г. его сына Бориса и указан социальный статус отца: «камер-юнкер, коллежский советник» (URL: https://forum.vgd.ru/post/3866/104590/1.htm?a=stdforum_view&o). В 1865—1875 гг. чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, в 1877 г. значился сверхштатным сотрудником; дослужился до чина действительного статского советника [Трегубов 1905: 7].

та Дмитрия Кесаревича. Он был восприемником его единственного сына Кесаря [Дело 1796. Л. 26], который в 1836–1842 гг. воспитывался в Полцком кадетском корпусе.

Гораздо меньше сведений сохранилось об Аврааме Петровиче Хвошинском, имевшем придворное звание камер-юнкера. Женился он на Софии Михайловне Горчаковой, сестре А. М. Горчакова (лицейского соученика А. С. Пушкина), будущего светлейшего князя и канцлера. Незадолго до замужества Софии Михайловны ее отец писал сыну: «...я очень рад, что она за него выходит, он истенно хороший очень человек и по всем отношениям и наружности кажетца должна быть щастлива» [Переписка 2008: 309]. Хвошинские поселились в Москве, в собственном доме на Садовом кольце, недалеко от Сухаревой башни. Судя по всему, это был счастливый союз, и после ранней смерти супруги в 1836 г. А. П. Хвошинский в новый брак не вступал. Имея значительное состояние, он охотно помогал своим близким. Когда в 1826 г. А. М. Горчаков «сделал долг чести» и оказался в отчаянном положении, то с просьбой о помощи он адресовался к сестре и ее мужу: «Я вверяюсь чести вашего супруга, и пусть она подскажет ему как действовать. Он не окажет услугу неблагодарному, и мне не хватит лет на земле, чтобы выразить ему свою признательность» [Там же: 316]. Хвошинский не обманул его ожиданий и «протянул руку помощи». Очень щедр он был к семье своего рязанского кузена Дмитрия Кесаревича, несправедливо обвиненного в 1832 г. и в течение 10 с лишним лет, пока длилось следствие, потерявшего все свое имущество. + Авраам Петрович купил Хвошинским дом в Рязани и в 1836–1843 гг. оплачивал воспитание их средней дочери Софьи в московском училище Ордена святой Екатерины [Хвошинская 1892: iv].

Дочери столичных Хвошинских поддерживали отношения со своими провинциальными кузинами-писательницами Надеждой и Софьей¹⁰.

О Наталье Павловне Хвошинской почти не сохранилось сведений в общедоступных источниках, за исключением упоминаний в «Адрес-календарях» и информации о том, что после смерти мужа она «жила в “крайней бедности” исключительно на пенсию государственного казначейства» [Попова 2002: 154]. Дети, видимо, не могли оказать ей необходимой поддержки, в частности, сын Борис, по словам М. М. Осоргина, под началом которого он служил в Гродно в 1902–1905 гг., был «по уши запутавшийся человек в долгах» [Осоргин 2009: 588]. О более раннем периоде жизни Н. П. Алябьевой мы располагаем лишь сведениями субъективного порядка в переписке Н. Д. Хвошинской с Ольгой Алексеевной Киреевой, в замужестве Новиковой (см.: [Дмитриев, Майорова 1999]) — племянницей И. В. Алябьева.

Вполне определенно о знакомстве кузин можно говорить с 1852 г., когда писательница впервые побывала в Петербурге. В письмах Хвошинской конца 1850-х — середины 1870-х годов, адресованных Новиковой, немало

¹⁰ С. Д. Хвошинская (1824/1825–1865) пользовалась псевдонимом *И. Весеньев* (*Ив. Весеньев*).

упоминаний об их родственнице /свойственнице, отношения с которой со временем претерпели изменения, что очень заметно на уровне ее именований. До июня 1866 г. Алябьева упоминается только как «Наташа». Петербургская кузина вела рассеянную светскую жизнь и не баловала провинциальных родственников известиями о себе. Хвошинская нередко спрашивает Новикову: «где наша Наташа?», «что она?», сообщает, что та редко пишет или не пишет вовсе [Розенхольм, Хогенбом 2001: 84, 117, 130]. Она сочувственно отзывается о Наташе, характеризуя ее отношения с матерью:

Очень хорошо, что тетка выздоравливает. Для Наташи это была бы потеря, которой важности она и сама не воображает. Тетка не только для нее любящая мать, но самый преданный ей человек на свете, преданный безусловно, без разбора; это редкость и в матери. <...> Я не могу иначе вообразить их, как вдвоем, и твердо уверена, что минуты, когда из-за лампы Наташа оглядывается на свою мать, — ее лучшие, истинные минуты [Письма 1864—1868. Л. 51 об.]¹¹.

Понимая недостатки «Наташи», Хвошинская не акцентировалась на них: «...если на Наташу глядеть прямо, не преувеличивая ни достоинств, ни недостатков, то можно найти в ней еще многие черты, на которых сойдешься» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 141]. Будучи в Петербурге осенью 1860 г., она часто навещала Наташу. И в 1864 г., живя три месяца в столице, Надежда и Софья постоянно общались с кузиной.

В августе 1865 г. Софья Дмитриевна умерла, и это стало настоящей трагедией для ее старшей сестры, которую стремились утешить столичные родственники и друзья. Собиралась приехать и Н. П. Алябьева: «Наташа писала, что придет в сентябре, но погода такая ужасная, что вряд ли она тронется» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 157]. Наташа не приехала, а Надежда Дмитриевна, спасаясь от беспредельной тоски и душевного одиночества, через несколько недель после смерти сестры вышла замуж за молодого уездного врача Ивана Ивановича Зайончковского. Осенью она с мужем переехала из Рязани в Петербург, где прожила почти год, так или иначе соприкасаясь с Наташей: «Сегодня на минуту сбегаю к Наташе часов в пять, если успею»; «...я сейчас иду к Наташе и посижу у нее»; «Была ты вчера у Наташи?»; «Что Наташа? Была ли ты у нее?» [Письма 1864—1868. Л. 107, 126, 150, 199] и др.

Но в 1866 г. на «святой неделе»¹² [Письма 1864—1868. Л. 208] произошел конфликт, определивший перелом в отношениях, и с этого времени принципиально изменяются эпистолярные именованья Н. П. Алябьевой: в единичных случаях «кузина», в основном же — «Алябьева», «мадам Алябьева» («М-м Алябьева», «Мд Алябьева», «madame Алябьева») и «Наталья Павловна». Неизвестно, что стало непосредственным поводом, но причина в целом понятна. Хвошинская, человек демократических убеждений,

¹¹ Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с современными нормами.

¹² В 1866 г. Пасхальная неделя приходилась на 1—8 апреля.

прямой и честный по натуре, всегда скептически воспринимала светские связи и отношения: «...у вас в свете все возможно. Вы говорите между собой так много и так тонко, что сами, не чувствуя, договариваетесь до “худого слова”» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 139]. И хотя до какого-то времени она снисходила к светской ограниченности самой Натальи Павловны и людей ее круга, но так не могло длиться вечно.

В письмах второй половины 1860-х — начала 1870-х годов появляются иронические суждения об Алябьевой как о «любопытнейшем субъекте», «любопытнейшем образчике ее породы» [Письма 1864–1868. Л. 221, 247 об.]. В 1871 г. Хвошинская язвительно замечает по поводу переезда семейства Алябьевых во Владимир и положения кузины в провинциальном обществе:

Ты меня утешила Натальей Павловной. Слава тебе Господи, пристроилась она, сия голубушка. А то-то, я думаю, откатывают ее провинциальные барыни! Не шути ими, бывают очень себе на уме и так-то понимают таких госпож, что те и не оглянутся. Я ведь не [одно слово нрзб.] верю поклонению града Владимира; это так думает она, так велено говорить Жану, а что есть на деле... [Письма 1869–1889. Л. 90].

Нравы провинциального бомонда Хвошинская знала не понаслышке; не случайно рецензенты отмечали убедительность ее отрицательных женских персонажей — провинциальных законодательниц, об одной из которых И. И. Панаев писал: «...это лицо живое, выхваченное из действительности...» [Панаев 1853: 88].

Очень резко неприятие кузины выразилось в письмах Хвошинской после появления нашумевшего романа П. Д. Боборыкина «Жертва вечера» (1868). Как впоследствии вспоминал сам автор, «...в публике на роман взглянули как на то, что французы называют *un roman à clé*¹³, т. е. стали в нем искать разных петербургских личностей, в том числе и очень высокопоставленных» [Боборыкин 1965: 456]. Алябьевы увидели в героине романа сходство с Новиковой, которую это очень встревожило. Хвошинская реагировала на ситуацию по-своему, называя кузину «клеветницей и лгуньей»:

...чего ты боишься за своего брата? Что он побьет Петьку¹⁴? Да стоит ли руки марать? — Что он его вызовет? Кто же с ослами и свиньями выходит на поединок? — Что такое «вступить за тебя»? разве в пасквиле ты? Сходство находит Наталья Павловна и ее компания, — но разве это люди? — Вступить — значит, признать сходство и обидеться или дать Петькам и Натальям право думать, что они могут нас оскорбить. Слишком много чести для них... [Письма 1864–1868. Л. 241].

¹³ Роман с намеками (франц.).

¹⁴ Имеется в виду автор романа.

Алябьева предупреждала Новикову о некоей «угрожающей неприятности» [Там же. Л. 245 об.], намекая на возможность печатной огласки. Хвошинская разубеждала ее:

У нас общество и не думает о литературе, а высший свет считает ее за ничто. Нынче ведь не 1860, когда он было вострепнулся и Мд Алябьева тоже стала считать во что-нибудь нашу братию. Свет Натальи Павловны радуется дряни, как забаве, а важности самому делу не придает никакой. — Если бы написали что-нибудь о ней, она бы ответила: «Je ne lis rien de russe, c'est au dessus de mon intelligence»¹⁵ [Там же. Л. 242–242 об.].

О неприятии кузины свидетельствуют и более поздние высказывания. В марте 1872 г. Хвошинская писала Новиковой:

Вот ты еще помнишь об Алябьевой!!! Да я же тебе раз написала, что я с подлецами не знаюсь, будь они мне отцы, дети, братья родные [Письма 1869–1889. Л. 104 об.].

В последний раз Хвошинская упомянула об Алябьевой в апреле 1874 г., говоря об одном из своих давних споров с Н. Ф. Щербиной:

Я, помнишь, ругалась с Щербиной за его резкие выходки и обличения пред обществом, нам чуждым, в салоне Мад. Алябьевой; но ругалась за то, что он выдавал своих — чужим [Там же. Л. 119].

Такой «чужой» Наталья Павловна, судя по всему, осталась для писательницы до конца жизни.

С Екатериной Авраамовной Хвошинской Надежда Дмитриевна познакомилась раньше — вероятно, в 1836 г., когда больше года жила в Москве в семье двоюродного дяди. Эта дата устанавливается на основании мемуарного свидетельства П. Д. Хвошинской, писавшей о том, что после отъезда в институт сестры Софьи Надежда очень скучала и мать отвезла ее в Москву:

Живя в семье дяди, с дочерью которого она была почти ровесница, любимая и обласканная всеми, она занималась французским языком с французуженкой, жившей у них, итальянским — с кузиной, только что возвратившейся из заграницы... [Хвошинская 1892: iv].

Переписка с Е. А. Акинфовой, к сожалению, не сохранилась или пока не найдена, но, судя по всему, отношения между кузинами всегда оставались теплыми. После смерти Софьи Дмитриевны Акинфова приезжала на четыре дня в Рязань, чтобы разделить с сестрами их горе. Письма Хвошинской проливают свет на обстоятельства личной жизни Екатерины

¹⁵ «Я не читаю ничего русского, это выше моего понимания» (франц.; пер. Н. М. Сперанской).

Авраамовны, чей брак с Н. В. Акинфовым оказался неудачным. В 1870 г., обсуждая семейную ситуацию Новиковой, Хвощинская писала:

Как же ты не вызвала в себе всего своего мужества, всей решимости? Да велика ли решимость — бросить то, что гадко, противно и вместо его — взять счастье? Не бойся, люди не осудят, если будешь жить с сыном одна: ни одна живая и злейшая душа не осудила Катерины Авраамовны Акинфовой, когда она, двадцатилетняя красавица, бросила мужа и жила одна [Письма 1869–1889. Л. 60–61].

Не задался и брак сына Акинфовой Владимира Николаевича с Н. С. Анненковой, который после 17 лет совместной жизни завершился разводом. Н. С. Акинфова была скандально известна своей связью с двоюродным дедом мужа — престарелым князем А. М. Горчаковым и отношениями с герцогом Н. Лейхтенбергским, за которого вышла замуж после развода. Свое крайне неприязненное отношение к ней Хвощинская высказывала Е. А. Акинфовой:

Ведь *это* можно пускать к себе, только шадя Катерину Авраамовну. Конечно, за ней дипломаты бегают, но я знаю, как они за ней бегают, и выразила это Катерине Авраамовне. Она тебе рассказывала еще мало, что «все пристают к ней за одним и тем же», — она уверяла, что в Париже французы кричали ей, что со времен Лавальер Господь сотворил ее одну — и после закаялся. — ...Хорошо, если закаялся» [Письма 1864–1868. Л. 84 об. (письмо от 29 мая 1865 г.)].

В мемуарах М. Осоргина запечатлен внешний облик Екатерины Авраамовны второй половины 1870-х годов: «...очень высокая, прямая, седая, с очень тонкими красивыми чертами лица» [Осоргин 2009: 121]. Это словесное изображение вполне соответствует живописному портрету работы И. К. Макарова¹⁶. Мемуарист отмечает, что его сестра знала Екатерину Авраамовну больше, чем он, и «говорила, что она исключительно ласкова и добра» [Там же: 122].

В 1857 г., которым датируется автограф Н. Д. Хвощинской, ее отношение к Алябевой еще не переросло в резкое неприятие, но и до этого, как показывают некоторые высказывания, она критично оценивала личность кузины и круг ее общения. Отношения же с Е. А. Акинфовой на протяжении многих лет оставались дружескими и уважительными, и это наводит на мысль, что альбом принадлежал именно ей. Ситуацию с владельческой принадлежностью окончательно проясняют письма сестер Хвощинских к матери, хранящиеся в рязанских архивах.

Во второй половине 1850-х годов Е. А. Акинфова жила в Петербурге, так как ее сын учился в Александровском лицее. Из писем Надежды и Софьи к матери становится известно, что, находясь в Петербурге с января по

¹⁶ Об этом портрете, который ошибочно атрибутировался как изображение Н. Д. Хвощинской (в том числе и в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» [Егоров 2019, вклейка между с. 240–241]), см.: [Меркулова 2020].

август 1858 г., они жили у «Катеньки», которая, как пишет Софья Дмитриевна, «до того сошлась с нами, до того нам полюбилась, что <...> отпускать не хочет» [Хвошинская 1858–1859 (6413/16). Л. 1 об.]. В том же письме от 12 февраля она сообщает, что вместе с «Катенькой» была «у М-м Хвостовой, где встретила с <...> двумя поэтами: печатным — Щербиной и непечатным — юношей Апухтиным» [Там же (6413/16). Л. 1]. Знакомство Акинфовой с Апухтиным надо отметить особо, так как ему принадлежит одно из сочинений в стихотворном блоке братиловского альбома. О том, что сестры гостили именно у Екатерины Авраамовны, свидетельствуют и упоминания в письме от 16 февраля о том, что Софья Дмитриевна посетила два концерта. Один — «благодаря Володе, которого отпустили из Лицея с тем, чтобы он был в концерте», но «ему только и хотелось, что остаться дома». А на концерт Филармонического общества в Придворной капелле ей отдала свой билет «Катенька, которая была нездорова» [Там же (6413/15). Л. 1]. Уезжая за границу в мае 1858 г., Е. А. Акинфова оставила сестер в своей квартире. 15 мая Софья Дмитриевна писала матери: «Катенька уезжает отсюда 19-го числа и предоставляет нам гостить здесь, потому что квартира остается за нею и люди здесь остаются» [Письмо 1858b. Л. 1]. Получив возможность распоряжаться квартирой и согласовав свои намерения с хозяйкой, старшие сестры решили вызвать в Петербург младшую — Прасковью Дмитриевну. 10 мая она сообщала матери, уехавшей в Киев:

...Катинька <...> предоставляет им весь дом к их услугам, и потому они остаются в Петербурге до конца июня и, представь себе мое удивление, что они и Катинька вызывают меня к себе... [Письмо 1858a. Л. 1].

Все эти сведения, собранные воедино, подтверждают гипотезу о том, что владелицей братиловского альбома была Е. А. Акинфова. Следует также учитывать и датированное 28 мая 1857 г. стихотворение Н. Д. Хвошинской «Владимиру Николаевичу Акинфову» с подзаголовком «Будущему хорошему человеку»¹⁷, которое убеждает, что она близко общалась с семьей Акинфовых не только в 1858 г., но и весной 1857 г.:

Свой путь кончаем мы, скорбя и утомляясь.
Мы видели трудов неконченных паденье...
Счастливы юные, другое поколение,
Надежда новая, не обманите нас!

Мир Божий нас страшил печалью и бедою.

¹⁷ Стихотворение было опубликовано в журнале «Русский архив» в 1909 г. с примечанием П. И. Бартенева о том, что оно «написано в тот самый день» когда В. Акинфов «докончил обучение свое в Александровском лицее» (1909. Кн. 1. Вып. 2. С. 285), но, как показывает эпистолярный Хвошинских, обучение продолжалось и в 1858 г. Кроме того, не совсем понятно, завершил ли Акинфов свое обучение, поскольку в «Памятной книжке лицеистов» его имя не значится [Памятная книжка 1911].

Стояла тьма над ним, и тьма еще стоит,
Счастливы юные, вам солнце заблестало,
И вы, нас вспомнивши, свершите начатое.

Благослови вас Бог! Рука с рукой вперед,
Все к свету! Он, Любовь, сойдет и в души ваши,
Счастливы юные, и на могилы наши
Прошение с неба призовет.

По своему настроению это стихотворение очень характерно для Хвошинской, которую, в отличие от большинства поэтесс, интересовали проблемы социального и философского порядка. Нередко она говорила от лица коллективного «мы», подразумевая людей своего поколения, чья зрелость пришлось на 1850-е годы. К этому поколению Хвошинская относилась и себя: «Я ведь поколения 50-х гг.», — писала она М. К. Цебриковой (цит. по: [Цебрикова 1897: 4]). По мнению писательницы, литература не создала образа людей пятидесятых годов, характерными чертами которых она считала «тревогу недовольства» и страдание от сознания того, что «время и общество давали не то, что в самом деле необходимо душе и должно удовлетворять ее» [Крестовский 1860: 272]. Такого героя Хвошинская показала в романе «Встреча» (1860) в лице литератора Тарнеева, чьи творческие установки близки ее собственным: «...в своих произведениях он выражал то, что, что волновало его самого, что поражало его в жизни других» [Там же: 276].

Предвзятое отношение исследователей к литературной деятельности женщин нередко порождало недостоверные и противоречащие истине заявления. В частности, составитель сборника стихотворных пародий ничтоже сумняшеся причислил Хвошинскую к сторонникам «чистого искусства» [Морозов 1960: 777]. Однако ни ее проза, ни поэзия, ни публицистика не дают для этого никаких оснований. «Учителем» (с прописной буквы) она называла В. Г. Белинского и в своих литературно-критических статьях писала о социальной роли литературы, назначение которой видела в том, чтобы «указывать и защищать» [Поречников 1861: 125]. «Совестью века»¹⁸, по этому, выразившим настроения людей своего поколения, Хвошинская считала Н. Ф. Щербину. В переписке с ним она обсуждала темы, актуальные для ее поэзии, поэтому некоторые эпистолярные фрагменты могут служить комментарием к стихам. Так, она писала: «Поколение, к которому принадлежим мы с вами, слишком устало и настрадалось; наши младшие что-то холодны, — кроме исключений, конечно. В нашем — холодные были исключением» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 28]. Неутешительными размышлениями о разности идеалов и стремлений своего и нынешнего поколений проникнуты многие ее стихи. В этом смысле оптимизм стихов, адресованных В. Н. Акинфову, можно считать исключением.

¹⁸ См. стихотворение Н. Ф. Щербины «Поэту» (1855): «О поэт! Ты — совесть века, / Лучший сын земли родной, / Цвет роскошный человека, / Человек передовой».

Говоря о поэзии Хвошинской, необходимо учитывать ее интерес к европейским движениям конца XVIII — второй половины XIX в. и свойственное ей, как и другим современникам, мифологизированное восприятие Французской революции 1789–1799 гг. [Чудинов 2007: 10–24], обостренное переживание революционных событий 1848 г. и неизменное внимание к последующим общественно-политическим процессам. В 1870 г. она писала Новиковой: «...ты в 1848 была младенец, а мне те годы тяжко достались» [Письма 1869–1889. Л. 69 об.]. Некоторые стихотворения 1848–1852 гг. были вдохновлены событиями во Франции, в любви к которой признавалась писательница: «Все ведь это из моего сокровища, из республики! Какая ни на есть, измучена, избита, больна, моя красавица, чудная, золотая — а жива!» [Там же. Л. 90]. Для лирического субъекта Хвошинской характерно именно такое ощущение своей причастности к общей жизни, хотя роль его сугубо созерцательная, а идеалы воспринимаются новым поколением как несбыточные мечты.

* * *

Артефакт, о котором идет речь, представляет собой альбом в твердом, сильно потертом переплете, обклеенном «мраморной» сине-черной бумагой, с красными кожаными уголками и корешком¹⁹. Он несистематически заполнялся разными лицами в 1850-е, в 1881, 1892–1895 гг. (записи по преимуществу не датированы) и неоднороден по содержанию. Многие листы остались чистыми²⁰, некоторые вырваны или обрезаны²¹, часть записей сделана на французском языке²², на листах 82, 83, 84 размещен гербарий²³. Наиболее интересна в этом альбоме небольшая по объему стихотворная часть, которая включает блок стихотворений Хвошинской, а также стихотворения других авторов: А. Н. Апухтина «Няня» (1855), неизвестного автора «XIX век» («Чуден наш век! Как цветок экзотичный...»), В. Р. Зотова «Сосна» (1843), А. С. Хомякова «России» (1854, озаглавлено «Не уклони сердца»), содержащее призыв к России осуществить свое великое призвание — принять участие в войне с Турцией, но прежде раскаяться и очиститься от грехов (распространялось в списках, впервые опубликовано в 1860 г.); четверостишие из стихотворения Н. В. Арсеньевой «Стыдись, о сын неблагодарный» — ответ Хомякову (озаглавлено «Стыд»; распространялось в списках, впервые опубликовано в 1888 г.); две строфы из стихотворения К. Ф. Рылеева «Видение. Ода на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года», которое содержало «урок» будущему царю; стихотворение А. А. Навроцкого «Памяти Царя-освободителя» (1881) [Сбор-

¹⁹ Размер альбома 22,2 × 18,9, объем 118 л., записи сделаны черными чернилами разной степени яркости.

²⁰ Незаполненные листы: нумерованный лист между л. 27–28, 33–34, 35–52, 57–79, 85–117.

²¹ Удаленные листы: между л. 18–19, 20–21, 24–25, 34–35, 56–57.

²² Французский текст: л. 28, 54–56 об., 80 об.–81, 118.

²³ Гербарий составлялся в 1892–1895 гг., в некоторых случаях отмечено время года и место сбора растений — с. Братилово.

ник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 1–32 об.]. Наряду со стихотворениями камерного характера в этой подборке есть и тексты патриотического содержания, отражающие настроения владелицы / владельцев, вполне естественные для людей их круга.

Общественными переживаниями совсем другого рода проникнуты 22 стихотворения Хвоцинской 1848–1852 гг., открывающие альбом. Она указала выходные данные тринадцати опубликованных стихотворений, остальные же девять не могли быть обнародованы при жизни автора и впоследствии также не появлялись в печати²⁴ — они и составили предлагаемую ниже стихотворную подборку. Этот авторский автограф можно считать своего рода первой публикацией.

Все тексты проверены и исправлены по чистовому автографу, хранящемуся в РГАЛИ [Хвоцинская 1836–1852], некоторые из них сопоставлены с черновиками [Хвоцинская 1849–1854]. Стихотворения публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением характерных лексических особенностей оригинала.

* * *

То, что разрушили в жару и раздраженье,
Они хотят создать, борясь с судьбою злой.
Они шумят теперь. Мы, стоя в отдаленье,
Любуемся и смутой и борьбой.

Мы счастливы. У нас долг клятвы не нарушен.
На наших площадях не воеет нищета.
Раб не толкает нас; он кроток и послушен —
Что нам до злости иль стыда!

У нас отца с детьми цвета не разделяют,
Законом огражден семейный наш очаг.
Закон не покупной. У нас не отменяют,
Боясь неверности, присяг.

Мы счастливы. Хвала Создателю! К чему же
Мы радуемся так их битвам, их бедам
И рукоплещем их ошибкам? Если хуже
Другим везде — еще ли лучше нам?

Зачем мы, говоря об их нововведениях,
Благое прячем в тень и ставим зло на свет
В надежде ли, что нас несчастье их к спасенью
И к примиренью позовет?

²⁴ Стихотворение «Опять темно вдали...» с незначительными неточностями напечатано в воспоминаниях В. Р. Зотова [1890: 557].

Надежда страшная! Как бедствий надо много,
Обманов и тревог, потерь, бесславных дел,
Чтобы на их призыв кровавою дорогой
К ним примиритель полетел!

Мы милосердием хвалиться любим. Что же
Не пожелаем мы, чтобы из толков, смут
Порядок сам собой возник, чтобы дороже
Не стал им дорогой их труд?..

Мы счастливы. Еще наряд нам детский впору;
Другие выросли — он душит их, гнетет,
И старший не смешон, когда с тоской, с укором
Одежду узкую он рвет.

Смеяться нечего. Поучимся в молчанье,
Отдав добро и зло на Божий правый суд.
Здесь тайна есть. Всегда народные страданья
Зародыш блага берегут.

17 декабря 1848

[Сборник 1857—1858, 1881, 1894—1895. Л. 6 об.—7]

Исправлено по чистовому автографу: [Хвошинская 1836—1852. Л. 34 об.]. Сокращенный вариант стихотворения приведен в письме к Новиковой от 27 марта 1871 г. с комментарием: «Всегда так бывало. Мне пришлось в голову списать тебе стихи — любишь ты их или выносишь ли, когда они не из отличных? Эти писаны в 1848 и были кстати. Кое-что и теперь кстати. <...> Вот еще одно доказательство как выцветают вещи, написанные ради настоящей минуты: они требуют понимания и комментариев» [Письма 1869—1889. Л. 93 об.]. Вероятным поводом для написания стихотворения стали события 10 декабря 1848 г., когда президентом Франции был избран Шарль Луи Наполеон Бонапарт, впоследствии провозгласивший себя императором Наполеоном III.

* * *

Предвестник осени, холодный ветер шумит,
И ниву клонит дождь, и сбитый лист лежит...
Год, близок твой конец! Уже в дали туманной
Мелькает нам твой день последний, нежеланный.
В устах напрасная мольба: остановись!
Взгляни, как много дел, лишь только начались,
Дай нам подвинуть их, дай кончить начатое!
Немного, может быть, осталось за тобою
Годов других еще, а наш огромен труд!..
И за мольбой в душе сомнения встают:
Такой ли это труд, как тот, когда, моленью
Внимая, Бог велел на ужас пораженья

Смотреть светилу дня, не отведя лучей,
И ночь ждала... Для нас, средь горя и скорбей,
Воззвание к времени — бесплодное воззвание!..
И делу тяжкому не видя окончания,
В грядущем на детей не смея уповать,
Чтоб начатое им с любовью передать, —
Мы гибнем, горестно твердя вопрос тревожный:
Увы, преступен труд иль только невозможен?..
1849

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 11 об.]

Исправлено по: [Хвощинская 1836–1852. Л. 37] — здесь указана точная дата написания: 23 июля 1849.

* * *

Что спрашивать — далеко ль, скоро ль? Будет,
Не завтра, так когда-нибудь,
Когда желанья все позабудет
Усталая в желаньях грудь,
Придет, когда наскучит даже имя
Любви и прочего — всего,
О чем мы плачем так, когда вслед за другими
Мы рады будем гнать его.
Придет, когда мольбы и шепот страсти первой, —
Тот щебет ласточек сквозь сон, —
Тревожить будет нам натянутые нервы,
Как бесконечный глупый звон
Разбитых клавиатур²⁵ бездарной ученицы.
Придет, когда надоедят
Теперь любимые мечтанья, мысли, лица,
И годы всё охолодят,
Всё, даже искренность святую убеждений, —
И бросит мудрый наш разбор
Презренье прошлому, грядущему сомненью,
А настоящему укор.
Тогда придет она, возможность жизни полной,
Развитья чувства, воли, сил...
Всего, что улеглось, — льдом скованные волны —
В ряды немых могил!..

14 мая 1850

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 13 об.]

Исправлено по: [Хвощинская 1836–1852. Л. 39].

²⁵ В автографе РГАЛИ: «фортепиан».

* * *

Когда пройдут года борьбы и испытаний, —
 (А благ закон судьбы — они пройдут),
 Когда другая цель, другие начинанья
 Широкий мир займут
 И счастье новое вам явится, потомки,
 (Мы верим и теперь — придет оно)
 И взор вы бросите на наших дел обломки,
 Забытых, может быть, давно,
 Затем что новое займет вас (мы не знаем,
 Что вас займет), но счастливы вполне
 Не тем, быть может, что теперь мы призываем
 В глубоком нашем сне,
 Не потревожьте нас насмешкой! не скажите,
 Как говорят теперь в укор живым:
 «Вы, души странные, без цели в тьме бежите
 За странным знаменем своим».
 Простите нам, когда ошиблись мы: густая
 Завеса кроет все от смертных глаз;
 Простите нам, когда вам, счастье замышляя,
 Мы лучшими считали вас.
 Мы поклонялися любви. Когда меж вами
 Она жива, то в ней мы вами прощены,
 А если нет, тогда ругайтесь над гробами:
 Прощенье отвергаем мы...

13 марта 1852

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 6]

Исправлено по: [Хвоцинская 1836–1852. Л. 41].

Надежда

В минуту скорбную, как первое сомненье
 Закралось в ум его, а в тело чувство тленья,
 И смертным человек назвался в первый раз,
 И жизнь, полна тревог, как свиток развилась, —
 Над долгим будущим, над мраком и могилой
 Она взошла звездой, зажглась и засветила.

С тех пор прошли века. Мир позабыл о ней
 В боготворении природы и страстей,
 Средь рабства, роскоши, стена иль угнетая,
 Свое грядущее в загадку облекая,
 Неумолимый есть, он верил, властелин —
 Судьба — и что он даст на день, на миг один,
 Не может дольше быть — зло, благо неизбежно, —
 И принимал дары, покорный безнадежно.
 Томясь иль празднуя, считая каждый миг,

Боясь, что жизнь вспорхнет, а он не всех достиг
Тех радостей, что здесь даются в наслажденье,
Надежды он не звал: мечта — не утешенье.

Когда ж настали дни и Правда, вняв мольбам,
Свет пролила на тьму, дала значенье снам,
Смирила радости, утешила страданье,
Дала цель подвигу, достоинству сознание,
Всем место указав и гордых низложив,
Подняв трепещущих и тех, кто пал служа,
Она сравнивала вновь весь мир, как в день творенья.
И, спутница любви, прощенья и терпенья,
Надежда чистая явилась, не звездой,
Как прежде дальнею, но другом и сестрой,
В ряды сынов земли она спокойно стала.
И торжество вдали в сиянье указала.

И обновленный мир сначала видел в ней
Награду в небесах за дни земных скорбей, —
Он прав был: много жертв в борьбе священной пали,
Но день торжеств взошел, минули дни печали,
И мир, восторженно назвав ее сестрой,
Ей в руку сильную вложил символ земной
Довольства, крепости, покоя и спасенья,
Своих грядущих слез ей вверил утешенье,
И вновь сквозь мрак и скорбь таинственным путем
Прошел вслед за своим таинственным вождем.

Настали дни трудов. На подвиги создания
Печать глубокого святого упования
Мир, занятый трудом, с любовью положил —
Он в настоящем дне грядущее любил:
Храм начиная, знал, что первое моленье
Придет в нем совершить другое поколение,
Науки первый звук воззвал из тьмы гробов,
Он завещал его сынам своих сынов
И, летопись чертя благоговейно, свято,
Дарил грядущему плод опыта богатый.
Надежду дальнюю небесной окрылил,
Ей в руки подал меч блестящий, положил
На грудь ей белый крест и вслед за ней толпами
Он полетел туда, где степью и скалами
Гробница Божия стоит ограждена...
Но там, в святой земле, земные племена
Свою небесную надежду схоронили,
Мечтою разума мысль неба заменили,
Свободой назвали ее, и по земли
Свободы первый крик в восторге разнесли...

Свобода родилась от силы. Вдохновенье —
Надежды светлый луч — хранило мир в смятеньях
Средь новых мрачных дней в служении страстям.
Когда судилища, взывая к небесам,
Их правосудию уже не доверяли,
И, сами мстя за них, кляли и сожигали,
Когда неправдою и злобой осужден,
Не смея уповать на тихий смертный сон,
Молить прощения у Бога не дерзая,
Скорбя и о земле, и о блаженстве рая,
Несчастный умирал, — у дальних алтарей
Надежда теплилась. Стон пыток, звон цепей
Ее названием отрадным заглушались,
На зов ее и честь, и доблесть пробуждались,
И в час, как старый волхв, трусливою душой
Дрожа, загадывал в звездах во тьме ночной,
Она манила вдаль бесстрашных, призывая
К таинственной земле неведомого края.

У дальних берегов счастливый мореход
Бросает якорь свой на дно пустынных вод.
Как братья, чуждые друг другу с дня рожденья,
Два мира празднуют свое соединенье
И делят то, что есть. Коварством и борьбой
Берет сокровища брат старший и большой,
А юный, полный сил, прекрасный и покорный,
Внимает голосу ученья. Плодотворно
Восходят добрые и злые семена.
За правом следует раздел, раздор, война;
Познание богатств родной земли, их силы
Взрезает грудь земли до сердца, — из могилы
Выходит алчность, с ней неравный тяжкий труд;
Того, кто трудится, уж братом не зовут,
Свобода — общее святое достоянье —
Есть право для одних, а для других восстанье...

Свобода разума встает у алтарей,
Шумит, и смелый крик учений и страстей
Уж заглушает звук божественного слова.
Везде кипит борьба, и деятельность. Снова
Надежде человек значенье и символ
Другие дал. За ней он жизнь свою прошел,
С ней покорил он мир. Свершив завоеванье,
Он обратил ее на разум и познание,
Свое прошедшее во тьме переследил,
Нашел забытое и тайны разъяснил.
Надежду призывал он — царь земли, владыка,
Чтоб помогла ему, и в подвиге великом,
Не изменив ему, сияющим челом
Она склонялася над тягостным трудом,

Слова всеильные и смелые шептала,
Когда кругом толпа безумная кричала,
Не признавая труд; она во мгле тюрьмы
Пред избранным, в кругах неуловимой тьмы
Черттила дивные страницы откровений...
И, вникнув в тайное, отвергнув лжи, сомненья,
Свободный человек ясней себя познал
И крепче волею, смелей желаньем стал.
Он понял, что он царь, что разуму природа
Подвластна, но, взойдя до темного исхода
К началу, — с горечью постигнул он вполне,
Что в мире власть его проходит как во сне,
Что благо, зло, труды — все тлеет средь забвенья,
И в книгах поспешил другому поколенью
Свои деяния и думы передать;
Уже не мыслил он дарить иль научать, —
Нет, он дрожал за жизнь, хотел ее границы
Раздвинуть, он излил на верные страницы
Свою последнюю надежду: он прожить
Надеялся еще хоть день один. Любить
Грядущего не мог он. Всякий лишь собою
Был занят, для себя трудился. И с землею
Холодной, где любви уж больше не расцвествь,
Где слов признания уже не произнесть
На дело общее, — надежда распрощалась...
Одна тень бледная, печальная осталась,
Чтоб утешать детей иль ободрять в грозу,
Иль чью-нибудь стереть безвестную слезу...

Разъединилось всё, и из людских сословий
Нашлись изгнанники по кодексу условий:
Необразованность их новою виной
Предстала с прежнею печальной нищетой;
В них угнетением надежду погубили.
Забыв о них, о всем, счастливыцы мира жили,
День за день празднуя. На мысли их, дела
Рука отчаянья тяжелая легла.
Все строилось для дня; когда же их забвенью
Встревожил помысел о смерти и рожденье,
Боясь предстать лицом пред мрачною Судьбой,
Все Случай назвали нелепый и пустой...
Клеймя несчастье презреньем, угнетая,
Святыню осмеяв, порок, стыд величая,
Отверженная мысль летела по земли...
Но благ отмститель Бог, — Он стер ее в крови...

Мы встали, смятые борьбою, потрясеньем,
Смущенные стыдом и памятью паденья.
Дух огненный, пройдя по миру, указал
Стремленье новое... но из каких начал,

Какое счастье дать всей этой жажде счастья,
Чем вдохновить, к чему подвигнуть наши страсти?..
Уж все испытано, все пройдено для нас,
А просит нового всеобщий скорбный глас...
Не славы ль просит он? Увы, здесь все не вечно!
Познать? Жизнь кратка, познать бесконечно!
Любви? Без равенства нельзя вполне любить, —
Нельзя всех уравнивать, все братски разделить —
Наследство мало так, наследников так много.
Пред истиной не все то право, что убого...
Свободу ль мы зовем, мечтанье, имя, тень?
Мы знаем, что опять взойдет для мира день,
Когда страдание, оправившись от боли,
За прошлое свое отмстит опять неволей —
Лишь переменятся рабы. Мы жить спешим,
Чтобы скорей дожить до счастья, мы летим,
Мы ищем, роемся, мы строим, разрушаем,
Мы сомневаемся, мы верим, вопрошаем
Науку древнюю, и с воплем и в слезах
Перед религией мы падаем во прах
И молим имени и средств... умом, рукою
Готовы действовать... И с каждою зарею
Восходит черный дым вчерашнего труда
И наш насущный труд погибнет без плода,
И завтрашний умрет, по-прежнему бесплодный,
И тысячи сердец, великих, благородных,
Сойдут во гроб за ним, — пока с святых высот
Взгляд милосердия на землю не спадет,
И с ним уж не любовь, не мир, не вдохновенье,
А юность новая, жизнь, сила, обновленье!..

Мы знаем — светлый дар на землю не слетит,
Но он готов для нас, мы знаем, где он скрыт.
Всей силою мольбы, страданья и печали
Мы кроткую сестру опять к себе призвали
И в новый образ, нам доступный, облекли
Надежду, спутницу тревог, трудов земли.
Теперь она — скелет. Смерть — тайны разрешение,
Познать, мир, любовь, покой и обновленье.
Звезда, которую Любовь для нас зажгла,
К исходу темному опять нас привела.
Да будет так! Она недаром смерть, могилу
В минуту первого паденья осветила!

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 14–17]

Исправлено по: [Хвошинская 1836–1852. Л. 35–36] — здесь указана точная дата написания: 28 января 1849 г.

* * *

Не упрекайте нас: заснули мы, но живы,
Недвижны, но рука по-прежнему сильна.
Бог ниспослал дождя: в пыли чернеет нива,
Но жатвой пышною еще взойдет она.

Не покорились мы презрению, не устали,
Благословение на подвиг все сошло.
Все цело — мысль, любовь, и память, и печали —
И в сердце с правдою не примирилось зло.

Мы ждем, как ждет река, окованная льдами,
Всему есть час, и ей придет когда-нибудь —
И напоит она и освежит волнами
Земли иссохнувшую грудь.

Не смейтесь, будто мы в испуге изменили:
Пред смертным вечному чужд и [нрзб.] страха,
Мы звали истину — вы ваш расчет творили,
Мечтали нашу жизнь, а ваше дело прах.

Не смейтесь, если мы с улыбкою и сами
Глядим на прошлое, на эти дни тревог,
Мы к свету шли во тьме безвестными путями,
Но в опыте сказал нам слово силы Бог.

Мы ждем, как ждет гроза, собираясь в небе ясном,
Еще незримая, спокойная; мы ждем...
И горе тем, кому предвестием напрасным
Ее далекий будет гром!

17 июля 1852

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 17 об.]

* * *

Без ужаса смотрю вперед. Года пройдут.
Милей всего мне темный угол будет.
Какой-нибудь пустой и долгий труд,
Заботы тень поднимет и²⁶ разбудит,
Займет в душе то место, где, могуч
И полон силы, славы и видений,
Когда-то жил весь мир, светился луч
Надежды, и любви, и вдохновений.

Года пройдут. Мне будет странен шум,
Понятный прежде трепетному слуху,
Дел начатых, кипящих, смелых дум,

²⁶ Исправлено по черновому автографу: [Хвоцинская 1849–1854. Л. 8].

Далекий зов таинственного духа...
 Придет ли ночь, спокойно я засну,
 Молясь, чтоб Бог дожидаться дал рассвета,
 Дал жизнь еще, и только жизнь одну,
 Без ласк любви, без дружбы, без привета...

Без ужаса смотрю я вдаль... А были дни,
 Грядущее мне душу возмущало,
 Как призрак грозный... Призраки в тени,
 Неясные, всегда страшат сначала,
 Но ближе шаг, и тверды мы. Что год —
 Утрата... к ним привыкнуть мы успели.
 Весной боимся мы осенних непогод,
 Но хлынул дождь — и не страшат метели...

Но что-нибудь переживает в нас...
 Что прошлого останется со мною?
 Мысль вечности в последний, смертный час
 С какой последней свяжется мечтою?
 О жизнь моя, припомнись мне сильней
 И вызови мне образ светлый, яркий,
 Чтоб, оставляя мир, душе моей
 Еще раз вспыхнуть пламенно и жарко!..

9 августа 1852

[Сборник 1857—1858, 1881, 1894—1895. Л. 18—18 об.]

* * *

— Жди и надейся! — говорили
 Нам мудрецы, — пусть счастье сон,
 Примеры есть, что люди жили
 Надеждой, что свершится он.
 Пусть счастье далеко, — бывали
 Примеры, люди ждали, ждали,
 Старясь горько каждый год,
 Следили луч в дали туманной,
 Твердя упорно, постоянно:
 — Не нынче завтра, а придет...

Старинных правил много нами
 Разбито, им и счет забыт, —
 Но утешенье — жить мечтами
 Еще незыблемо сидит.
 Мы строги, точны — Бог то знает;
 Теперь ребенок отвергает,
 Пред чем благоговел старик.
 Мы страшно счастье развенчали —
 И ждем его, мы осмеяли
 Мечты — и жизнь проводим в них...

Когда так грустно и так ясно
Мы видим чувства, мир, людей,
Чего еще нам ждать напрасно
Для жизни собственной своей?
Когда нет общих упований, —
О, на²⁷ утраты, на страданья
Спокойно бросим гордый взор,
И жизнь пройдем²⁸, не ожидая,
Чтоб не послать ей, умирая,
В прощанье горестный укор!..
1 сентября 1852²⁹

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 9–9 об.]

* * *

Опять темно вдали, опять клубятся тучи,
Гроза... Господь войны, Бог крепкий и могучий,
Бог правый! молим мы не помощи от бед,
Не подкрепления, не чуда, не побед —
Чьи б ни были они — в них смерть и поражение...
Мы молим одного: спаси от униженья,
Избавь нас от стыда! внуши хоть одному
Быть верным до конца призванью своему,
Не изменить, не пасть из страха иль расчета,
Иль, как наемнику, тяжелую работу
Оставить утомясь! Великий, сильный Бог,
Опять восходят дни сомнений и тревог, —
Пошли хоть одного! пусть в эти дни без славы
Погибнет он среди нас, поверженный, но правый,
Но жизнь и смерть его нас с правдой примирит,
Примером будет нам и веру оживит,
Что Ты не до конца, хоть скорбны мы и пали,
Оставил этот мир смятений и печали!..
17 декабря 1851

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 7]

Исправлено по чистовому автографу, датированному 7 декабря 1851 г. [Хвоцинская 1849–1854. Л. 41]. Поводом для написания стихотворения стал государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г.: роспуск президентом Национального собрания, арест оппозиционеров и жестокое подавление протестов.

²⁷ Исправлено по черновому автографу: [Хвоцинская 1849–1854. Л. 10].

²⁸ Исправлено по черновому автографу: [Хвоцинская 1849–1854. Л. 10].

²⁹ В черновом автографе дата «15 октября 1852» [Хвоцинская 1849–1854. Л. 10].

Источники

О п у б л и к о в а н н ы е

- Адрес-календарь 1848 — Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1848 год. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, 1848.
- Адрес-календарь 1850 — Адрес-календарь: Общий штат Российской империи. 1850. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1850.
- Адрес-календарь 1851 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1851. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1851.
- Адрес-календарь 1852 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1852. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1852.
- Адрес-календарь 1853 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1853.
- Адрес-календарь 1855 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1855. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1855.
- Алябьев 2014 — Дворяне Алябьевы. Шестой век с Россией: [Интервью с А. Ю. Алябьевым] // Казань. 2014. № 7. URL: <http://kazan-journal.ru/news/mashina-vremeni/dvoryane-alyabevyi-shestoy-vek-s-rossiyey>.
- Боборыкин 1965 — *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: в 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Э. Виленской, Л. Ройтберг. Т. 1. М.: Худ. лит., 1965.
- Дмитриев, Майорова 1999 — *Дмитриев В. Д., Майорова О. Е.* Новикова Ольга Алексеевна // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4 / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1999. С. 342—344.
- Зотов 1890 — *Зотов Вл.* Петербург в сороковых годах (Выдержки из автобиографических заметок) // Исторический вестник. Т. 60. № 6. 1890. С. 535—559.
- Крестовский 1860 — *Крестовский В.* [Хвошинская Н. Д.] Встреча // Отечественные записки. 1860. Кн. 4. С. 265—342.
- Месяцеслов 1838 — Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1838. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, [1838].
- Месяцеслов 1839 — Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, [1839].
- Месяцеслов 1840 — Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1840. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, [1840].
- Морозов 1960 — Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX века) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л.: Сов. писатель, 1960.
- Осоргин 2009 — *Осоргин М. М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861—1920. М.: Рос. Фонд Культуры [и др.], 2009.
- Памятная книжка 1911 — Памятная книжка лицейстов: Издание собрания курсовых представителей Императорского Александровского лицея. 1811—1911. СПб.: Тип. Мин. внутренних дел, 1911.
- Панаев 1853 — [Панаев И. И.] Заметки и размышления Нового Поэта о русской журналистике // Современник. Т. 49. № 7. 1853. С. 87—88.
- Переписка 2008 — Переписка князя А. М. Горчакова с родными и близкими. М.: Любимая Россия, 2008.
- Пестриков 1904 — История Лейб-гвардии Московского полка: В 2 т. / Сост. Н. С. Пестриков. Т. 2. СПб.: Тип. А. Бенке, [1904].
- Покровский 1925 — Восстание декабристов: Материалы. Т. 1 / Под ред. А. А. Покровского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.

- Попова 2002 — *Попова М. П.* «И поиск длится целый век...». Владимир: Нива, 2002.
- Поречников 1861 — *Поречников В.* [*Хвощинская Н. Д.*] Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо первое // Отечественные записки. 1861. № 12. С. 121–132.
- Розенхольм, Хогенбом 2001 — «Я живу от почты до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвощинской / Сост. А. Розенхольм, Х. Хогенбом. Fichtenwalde: F. K. Göpfert, 2001.
- Скалон 1908 — Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Гл. ред. Д. А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1908.
- Трегубов 1905 — Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии / Сост. М. И. Трегубов; Под ред. и с предисл. А. В. Селиванова. Владимир: Тип. Владимирского губ. правления, 1905.
- Хвощинская 1892 — [*Хвощинская П. Д.*] [Биография] // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним). Т. 1. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1892. С. i–xviii.
- Цебрикова 1897 — *Цебрикова М.* Очерк жизни Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима) // Мир Божий. 1897. № 12. С. 1–40.

Архивные

- Дело 1796 — Дело о дворянстве Кесаря Дмитриевича Хвощинского. 1796 // ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98.
- Письмо 1858а — [Письмо П. Д. Хвощинской матери]. 1858 // ГМЗЕ. Фонд Хвощинских. 6163. Р-526.
- Письмо 1858б — [Письмо С. Д. и Н. Д. Хвощинских матери]. 1858 // ГМЗЕ. Фонд Хвощинских. 6162/1. Р-524.
- Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895 — Сборник стихов разных авторов (заполнялся в три этапа). 1857–1858, 1881, 1894–1895 // ОРФ ГЛМ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 30.
- Письма 1864–1868 — Письма Хвощинской-Зайончковской Надежды Дмитриевны Новиковой Ольге Алексеевне. 1864–1868 // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 851.
- Письма 1869–1889 — Письма Хвощинской-Зайончковской Надежды Дмитриевны Новиковой Ольге Алексеевне. 1869–1889 // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 852.
- Хвощинская 1836–1852 — *Хвощинская-Зайончковская Н. Д.* Стихотворения «Колокол», «Осеню», «На бале», «Что ты веешь ветер буйный», «Развалины», «Уйти из вечернего пира», «Есть цветы в лесах», «Горная роза», «Художнику» (К. П. Брюллову), и др., баллада «Бледная дева», поэмы «Джулио» и «Деревенский случай». 1836–1852 // РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3.
- Хвощинская 1849–1854 — *Хвощинская-Зайончковская Н. Д.* «Деревенский случай» IV часть, «Как дети мы начали скоро...», «Без ужаса смотрю вперед, года пройдут...», «Ветла раскинулась у каменной стены...», «Жди и надейся», «Что ж лучше...», «Горе целого мира волнует мне душу...», «Полвека. Вспомни». 1849–1854 // РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 4.
- Хвощинская 1858–1859 — Хвощинская Надежда Дмитриевна (1824–1889) // РИАМЗ. 6413/15; 6413/16. [1858–1859].

Сокращения

- ГАРО — Государственный архив Рязанской области.
- ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С. А. Есенина.
- ОРФ ГЛМ — Отдел редких фондов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственного литературного музея).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

Литература

- Егоров 2019 — Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 6 / Гл. ред. Б. Ф. Егоров. М.; СПб.: Большая рос. энциклопедия; Нестор-История, 2019.
- Меркулова 2020 — Меркулова Т. Н. Портрет работы И. К. Макарова из имения Братилов в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Русская усадьба: Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 26 (42) / Науч. ред.-сост. М. В. Нащокина. СПб.: Коло, 2020. С. 120–133.
- Строганова 2011 — Строганова Е. Н. По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвошинская, она же В. Крестовский // Долг и любовь: Сб. филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой: Статьи. Рецензии. Эссе. Публикации / [Сост. Ю. В. Шевчук, Н. Н. Мельникова]. М.: Кругъ, 2011. С. 173–182.
- Строганова 2021 — Строганова Е. Н. К 200-летию Надежды Дмитриевны Хвошинской: О дате рождения писательницы // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 113–120. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-2-113-120>.
- Чудинов 2007 — Чудинов А. В. Французская революция: История и мифы. М.: Наука, 2007.

References

- Chudinov, A. V. (2007). *Frantsuzskaia revoliutsiia: Istoriia i mify* [The French Revolution: History and myths]. Nauka. (In Russian).
- Egorov, B. F. (2019). *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary] (Vol. 6). Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Merkulova, T. N. (2020). Portret raboty I. K. Makarova iz imeniia Bratilovo v sobranii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika [Portrait by I. K. Makarov from the Bratilovo estate in the collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. In M. V. Nashchokina (Ed.). *Russkaia usad'ba: Sbornik Obshchestva izucheniiia russkoi usad'by* (Vol. 26 (42), pp. 120–133). Kolo. (In Russian).
- Stroganova, E. N. (2011). Po povodu neudobnogo psevdonima: Nadezhda Khvoshchinskaia, ona zhe V. Krestovskii [Regarding an inconvenient pseudonym: Nadezhda Khvoshchinskaya, alias V. Krestovsky]. In Iu. V. Shevchuk, & N. N. Mel'nikova (Eds.). *Dolg i liubov': Sbornik filologicheskikh работ v chest' 65-letii professora M. V. Mikhailovoi: Stat'i. Retsenzii. Esse. Publikatsii* (pp. 173–182). Krug'?. (In Russian).
- Stroganova, E. N. (2021). K 200-letiiu Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoi: O dате rozhdeniia pisatel'nitsy [To the 200th anniversary of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya: About the date of the writer's birth]. *Kul'tura i tekst*, 2021(45, no. 2), 113–120. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-2-113-120>. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Евгения Нахимовна Строганова

доктор филологических наук
профессор, научный сотрудник,
Государственный мемориальный музей-
заповедник Д. И. Менделеева
и А. А. Блока (Россия, Солнечногорск)
Россия, 141503, Московская область,
г. о. Солнечногорск, д. Тараканово, стр. 1
✉ enstroganova@yandex.ru

Information about the author

Evgeniya N. Stroganova

Dr. Sci. (Philology)
Professor, Research Fellow,
State Memorial Museum-Reserve of
D. Mendeleev and A. Blok
Russia, 141503, Moscow Region,
Solnechnogorsk Urban District,
Tarakanovo Village, Bld. 1
✉ enstroganova@yandex.ru